

Отец Браун

Гилберт Честертон

Молот Господень

«ЭКСМО»

1911

Честертон Г. К.

Молот Господень / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1911 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43810-1

«Деревушка Боуэн-Бикон угнездилась на холме с такими крутыми склонами, что высокий шпиль сельской церкви казался пиком небольшой горы. Возле церкви стояла кузница, обычно пышущая пламенем и всегда усеянная молотками и кусками железа. Напротив нее, на перекрестке двух вымощенных булыжником улочек, находился единственный местный трактир под названием «Синий вебрь». Как раз на этом перекрестке, в свинцово-серебристых рассветных сумерках встретились два брата, хотя один из них только начинал день, а другой завершал его. Преподобный и достопочтенный Уилфред Боуэн был очень набожным человеком и собирался в церковь, чтобы провести время за утренней молитвой или в благочестивых размышлениях. Его старший брат, полковник Норман Боуэн, не отличался набожностью и сейчас сидел во фраке на скамье перед «Синим вепрем» и допивал очередной бокал, который для наблюдателя с философским складом ума мог считаться последним во вторник или же первым в среду, в зависимости от настроения. Самому полковнику это было безразлично...»

ISBN 978-5-457-43810-1

© Честертон Г. К., 1911

© Эксмо, 1911

Гилберт Кийт Честертон

Молот Господень

Деревушка Боуэн-Бикон угнездилась на холме с такими крутыми склонами, что высокий шпиль сельской церкви казался пиком небольшой горы. Возле церкви стояла кузница, обычно пышущая пламенем и всегда усеянная молотками и кусками железа. Напротив нее, на перекрестке двух вымощенных булыжником улочек, находился единственный местный трактир под названием «Синий вебрь». Как раз на этом перекрестке, в свинцово-серебристых рассветных сумерках встретились два брата, хотя один из них только начинал день, а другой завершал его. Преподобный и достопочтенный Уилфред Боуэн был очень набожным человеком и собирался в церковь, чтобы провести время за утренней молитвой или в благочестивых размышлениях. Его старший брат, полковник Норман Боуэн, не отличался набожностью и сейчас сидел во фраке на скамье перед «Синим вепрем» и допивал очередной бокал, который для наблюдателя с философским складом ума мог считаться последним во вторник или же первым в среду, в зависимости от настроения. Самому полковнику это было безразлично.

Боуэны были одним из немногих аристократических семейств, чья родословная действительно восходила к Средневековью, и их фамильный стяг когда-то реял в Палестине. Но было бы заблуждением полагать, что такие великие дома строго блюдут рыцарские традиции. Лишь немногие, кроме самых бедных, хранят верность традициям, но аристократы живут не традициями, а веяниями моды. Представители рода Боуэнов были элегантными гуляками из лондонской золотой молодежи во времена королевы Анны и неисправимыми щеголями и донжуанами при королеве Виктории. Но, по примеру других старинных родов, за последние двести лет они выродились в обычных пьяниц и фатоватых болванов, а в округе ходили слухи и о сумасшествии. Действительно, в волчьей погоне полковника за удовольствиями было что-то нечеловеческое, а его хроническая решимость не уходить домой до утра отдавала не только бессонницей, но чем-то более темным и безобразным. Это был высокий породистый самец, уже пожилой, но с яркой соломенной шевелюрой. Его можно было бы назвать блондином с благородной внешностью, но его голубые глаза запали так глубоко, что казались черными. Они также были посажены слишком близко друг к другу. Длинные желтые усы полковника очерчивались двумя глубокими складками, идущими от ноздрей до подбородка, так что усмешка казалась вырезанной у него на лице. Поверх вечернего костюма он носил любопытный светло-желтый плащ, похожий скорее на вечерний халат, чем на одежду для улицы, а на затылке у него сидела ярко-зеленая шляпа с необыкновенно широкими полями – очевидно, какая-то восточная диковинка, выбранная наугад. Полковник гордился такими неуместными нарядами, вернее, гордился тем, что он всегда мог уместно выглядеть в них.

Его брат, викарий, тоже желтоволосый и элегантный, был наглухо застегнут в черное и чисто выбрит, но в его ухоженном лице угадывалась нервозность. Казалось, он живет только ради своей веры, но некоторые (особенно кузнец, принадлежавший к пресвитерианскому вероисповеданию) утверждали, что им в большей степени движет любовь к готической архитектуре, нежели любовь к Господу, и что его призрачные утренние прогулки по пустой церкви представляли собой всего лишь более возвышенную разновидность той же почти болезненной тяги к прекрасному, которая заставляла его брата упиваться вином и женщинами. Действительно, это обвинение в значительной степени можно было объяснить невежеством и неправильным пониманием его любви к уединенным местам, так как его часто видели коленопреклоненным, но не перед алтарем, а в крипте, на галерее или даже на колокольне. Сейчас он собирался войти в церковь через двор кузницы, но остановился

и слегка нахмурился, когда заметил, что взор запавших глаз его брата устремлен в том же направлении. Он не стал впустую тратить время на обдумывание гипотезы, что его брат вдруг заинтересовался церковью. Оставалась лишь кузница, и, хотя кузнец был пуританином и не принадлежал к его пастве, Уилфред Боуэн слышал о скандалах, связанных с его красивой и довольно известной женой. Он с подозрением покосился на сарай, а полковник встал и со смехом подошел к нему.

– Доброе утро, Уилфред, – сказал он. – Как видишь, я добрый помещик и бессонно присматриваю за своими чадами. Вот собирался зайти к кузнецу.

– Его нет дома, – буркнул Уилфред, глядя в землю. – Он в Гринфорде.

– Знаю, – беззвучным смехом отозвался его брат, – именно поэтому я собираюсь заглянуть к нему.

– Норман, – произнес клирик, разглядывая камешек на дороге, – ты когда-нибудь боялся грома и молнии?

– Что ты имеешь в виду? – осведомился полковник. – Занимаешься метеорологией на досуге?

– Я хочу сказать, ты когда-нибудь думал, что Бог может поразить тебя прямо на улице? – спросил Уилфред, не поднимая головы.

– Прошу прощения, – сказал полковник. – Я вижу, ты увлекаешься фольклором и народными приметами.

– Зато ты увлекаешься богохульством, – отрезал священник, задетый за единственное живое место в его характере. – Но если ты не боишься Господа, у тебя есть веские причины бояться человека.

Старший брат вежливо приподнял брови.

– Бояться человека? – повторил он.

– Кузнец Барнс – самый большой и сильный мужчина на сорок миль вокруг, – жестко сказал священник. – Я знаю, ты не трус и не слабак, но он может перебросить тебя через стену.

Удар пришелся в цель, и темная складка у губ и ноздрей полковника заметно углубилась. Какое-то мгновение он стоял с застывшей ухмылкой на лице, но потом овладел собой и хрипло рассмеялся, оскалив два собачьих клыка из-под желтых усов.

– В таком случае, дорогой Уилфред, последний из Боуэнов поступил благоразумно, частично облачившись в доспехи, – беззаботным тоном произнес он.

Он снял свою странную круглую шляпу и показал стальную подбивку. Уилфред узнал легкий китайский или японский шлем, висевший среди других военных трофеев на стене в прихожей.

– Первая, что подвернулась под руку, – легкомысленно пояснил он. – Всегда попадается первая шляпа... ближайшая женщина...

– Кузнец в Гринфорде, – тихо сказал Уилфред. – А когда вернется, неизвестно.

С этими словами он повернулся и пошел в церковь, склонив голову и мелко крестясь, словно человек, который хочет избавиться от нечистого духа. Ему не терпелось забыть об этой мерзости в прохладном сумраке высоких готических сводов, но в то утро ему было суждено нарушить свое одинокое религиозное бдение из-за других досадных мелочей. Когда он вошел в церковь, обычно пустую в этот ранний час, коленопреклоненная фигура поспешно поднялась на ноги и направилась к освещенной двери. Когда викарий увидел, кто это такой, то замер от изумления, – ведь это был не кто иной, как деревенский дурачок, племянник кузнеца, никогда не интересовавшийся церковью, да и чем-либо еще. Его называли Безумным Джо за неимением другого имени; это был крепкий сутулый парень с грубо вылепленным бледным лицом, прямыми темными волосами и вечно разинутым ртом. Когда он прошел мимо священника, на его блаженной физиономии не отразилось и намек на то, что он думал

или делал в церкви. Раньше его никогда не видели коленопреклоненным. Что за молитвы он возносил сейчас? На этот вопрос не было ответа.

Уилфред Боуэн оставался пригвожденным к месту достаточно долго, чтобы увидеть, как дурачок выходит на солнечный свет, и даже как его беспутный брат приветствует Джо со снисходительным добродушием. Последнее, что он видел, был полковник, бросавший пенсовые монетки в разинутый рот идиота с явным намерением попасть в цель.

Эта безобразная картина человеческой глупости и жестокости наконец направила аскета к молитвам об очищении и новых помыслах. Он подошел к скамье на галерее под витражным окном, которое он любил за то, что оно всегда успокаивало его душу: синее окно с ангелом, несущим лилии. Там он почти перестал думать о дурачке с серовато-бледным лицом и рыбьим ртом. Он почти перестал думать о своем дурном брате, расхаживающем как отощавший лев в своем ужасном и ненасытном голоде. Он все глубже погружался в сладостную прохладу сапфировых цветов и бирюзового неба.

Здесь полчаса спустя его нашел Гиббс, деревенский сапожник, которого спешно послали за ним. Он сразу же встал, так как знал, что Гиббс мог явиться в такое место лишь по важному делу. Гиббс, как и многие деревенские сапожники, был атеистом, и его появление в церкви было даже более удивительным, чем приход Безумного Джона. Это было утро теологических загадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.